

Сердце Юй Уцюэ было пронзено насквозь. В то мгновение боль была столь острой, что у него перехватило дыхание, а крик застрял в горле. Он не мог даже спросить, почему Хэ Бугуй внезапно решил его убить.

Разве бабушка не говорила, что он не причинит ему вреда?

Даже если из-за повреждения духовного зверя началось извержение Горы Чицзинь, Юй Уцюэ не делал этого намеренно. Он ведь пытался спасти людей — неужели это заслуживало смерти?

Хэ Бугуй сошел с ума?

Что такое пожирание солнца, что такое человеческие души — Юй Уцюэ понятия не имел, что это вообще за напасти. Что еще он мог ответить на допросе, кроме простого: «Я не знаю»?

Поразмыслив, он пришел к единственному выводу: Хэ Бугуй лишился рассудка.

Юй Уцюэ растерянно опустил голову и взглянул на грудь. Лезвие меча вошло на несколько дюймов — оно определенно пронзило сердце, но почему не видно крови?

Более того, не только кровь не хлынула наружу, но и терзающая сердце боль, возникшая вначале, стала стихать, словно тупая ноющая рана, исходившая из самой глубины души, постепенно отступала.

Юй Уцюэ резко поднял голову и уставился на человека, сидевшего в кресле.

— Шансянь... вы не собирались меня убивать.

Если бы Шансянь Тайвэй действительно хотел его смерти, зачем тогда приглашать Чжэньжэня Юнлэ для лечения? Такие избыточные телодвижения, словно попытка надеть штаны через голову, явно были не в его стиле.

Хэ Бугуй, словно услышав про штаны, нахмурился и произнес:

— Кунчжи, отзывай.

Картина перед глазами внезапно изменилась. Кунчжи, который только что пронзал его мечом, развеялся, будто дым. На самом деле он стоял позади Юй Уцюэ и всего лишь прижал палец к одной из точек на его голове.

Кунчжи опустил руку и доложил:

— Господин, Молодой господин Юй не подвергался манипуляциям, следов вторжения в духовное сознание также нет. Я, как вы и приказали, полностью осмотрел его море сознания и укрепил защитный барьер. Все, что он говорил до этого, — чистая правда.

Вот оно что.

Пока Хэ Бугуй использовал иллюзию для допроса, он одновременно проникал в его сознание, чтобы проверить его слова. Только получив двойное подтверждение, он согласился поверить, что Юй Уцюэ не лжет.

Неудивительно, что он прибег к таким методам. Они не были знакомы, между ними не было никаких родственных или дружеских уз, так что проявление жесткости было вполне ожидаемым.

Слухи не лгут: Шансянь Тайвэй действительно лишен человеческого тепла.

Убедившись, что все в порядке, Хэ Бугуй слегка смягчился:

— Юй Уцюэ, я готов поверить, что ты не слышал об этом и не осквернял себя человеческими душами. А значит, два смертных греха — умышленное преступление и неповиновение — тебе пока не грозят.

— Прошу прощения за недавнее, — Кунчжи взял полотенце и вытер пот со лба Юй Уцюэ. — На вопросы, которые господин задаст далее, прошу отвечать честно.

Юй Уцюэ нечего было скрывать, и он бессильно кивнул:

— Ученик ответит на все, что знает.

Из боковой двери вошла вереница Марионеток. По двое они несли деревянные подносы, накрытые тканью, так что содержимого было не разглядеть. Когда Марионетки выставили их в ряд перед Юй Уцюэ, Кунчжи сдернул ткань.

— Молодой господин, это фрагменты, извлеченные из брюха Кунда, которые нанесли ему смертельные раны. Большинство остатков разъедено желудочным соком, но на тех, что уцелели, выгравирован иероглиф Юй. Это ваших рук дело?

— Все верно, я их создал. Всего десять штук: девять попали в желудок, одна была уничтожена лавой.

— Марионетки были раздроблены зубами зверя и проглочены, однако, не имея управления нитями, они пересобрались в желудке, прорвали стенки и разорвали внутренности. Позвольте

спросить, каким образом вы ими управляли при атаке?

— Вы можете не поверить, но раз настаиваете, я отвечу, — произнес Юй Уцюэ. — Силой мысли.

Брови Хэ Бугуя едва заметно дрогнули. Он впился взглядом в лицо Юй Уцюэ, но не увидел там ни тени безумного хвастовства — лишь выражение полной уверенности, будто так и должно быть.

Кунчжи опешил:

— Это невозможно.

— Я могу доказать. Давайте возьмем любую Марионетку, хотите, даже вашу.

Юй Уцюэ принялся разминать руки, концентрируя духовную силу. Управление силой мысли было его врожденным уникальным даром, о котором он никому не рассказывал. Конечно, ему хотелось похвастаться мастерством перед самим Мастером Янем, но он провозился довольно долго, а Кунчжи так и не шелохнулся. Ситуация становилась неловкой, а Хэ Бугуй молча наблюдал за этим представлением.

В конце концов Кунчжи прервал тягостное молчание:

— Молодой господин? Вы начали?

Юй Уцюэ потер нос:

— Духовная сила еще не восстановилась, управлять вами трудновато. Давайте попробуем с другой.

Он позвал Марионеток-мечников, Марионеток со щитами и низших слуг из Обители Сяюй, но ни одна из них не откликнулась на его «силу мысли».

Юй Уцюэ смущенно понизил голос:

— Может, Марионетки Шансяня не позволяют мне к ним прикоснуться? Обычно они всегда слушаются.

Его мимолетное самодовольство и последовавший за ним стыд от неудачи не укрылись от глаз Хэ Бугуя. Парнишка только что пережил угрозу смерти, был на грани уничтожения, но уже через полчаса, казалось, выбросил это из головы и думал лишь о том, как бы проявить себя.

В этой беззаботности чувствовалась искренность и отсутствие страха.

Хэ Бугуй поверил ему еще на одну долю больше.

— Попробуйте в другой раз, не спешите, — вежливо продолжил Кунчжи. — Господин восстановил из фрагментов Марионеток одну вещь. Она довольно необычна, и нужно выяснить её происхождение.

Он снял последнюю белую ткань. На подносе лежали девять круглых шкатулок, которые были превращены в крошево, но теперь, благодаря чарам, снова собрались в свою первоначальную форму.

— Это механизм, позволяющий Марионеткам действовать самостоятельно. Это тоже твоя работа?

<http://bllate.org/book/21954/2281017>